

Абсолют

Дарья Баева

Она ускорила шаг и вырвалась вперед. Пытается поставить меня на место и показать, кто тут главный. Знаем-знаем, вожак всегда впереди. Кто впереди, тот и вожак. Хоть на полкорпуса, хоть на четверть, как на скачках.

Да бога ради, дорогая. Лишь бы тебе хорошо было.

Но ей плохо. И тяжело. Спина напряжена, походка резкая, угловатая. Если движения правой руки она еще контролирует, придерживая контейнер с «детенышем», то левая рука так и рубит воздух ритмичной отмашкой. Вот сейчас головой мотнет, и это будет означать, что злость, недовольство собой и мимолетное отчаяние готовы выплеснуться наружу.

Так и есть.

Нет, надо сегодня же звонить Экхарту. Это уже никуда не годится.

Захотелось затануться и ощутить, как горло греет дымом. Пришлось копаться в карманах в поисках заначки. Сколько ни божился, что брошу курить, а в каждой куртке в одном из карманов все равно находилась пара сигарет. Ну и ладно.

Прикурился, затанулся поглубже и покрутил головой, пытаюсь размять шею. Перенял ее дурацкую привычку. Если она не успокоится, пока мы не подойдем к Водоразделу, придется опять ее стабилизировать. А это плохо для «детеныша».

Да черт с ним, это плохо для нее.

Мозг мне башку открутит, если в ближайшую неделю за Водораздел опять только первая пятерка ходить будет.

Ладно, пока она держится. И «детеныш» тоже пока в норме. Хоть бы не пришлось к этой дряни прикасаться.

Ни боже мой.

В ход пошла вторая сигарета. Дорога ровная — не в пример тому, что было десяток кварталов назад. Асфальт и фиолетовая кладка стен мягко поблескивают в свете послеполуденного солнца. До вечерней зари доберемся. Хорошо.

Не знаю, как другим, а лично мне эта территория нравится. Может, я просто люблю фиолетовый цвет? Цвет слив и свежих кровоподтеков. Здесь нет слизи и мха, как в забугорье. От сырости меня коробит.

А здесь улицы пустые, стены ровные, окна целые — сухо, чисто и равномерно тепло. Ну прямо как на коже аккумулятора. В принципе, так оно и есть. Абсолюты, носители и «халфы» потому сюда и прутся. Точнее, это мы думаем, что потому. А что думают они, не знает никто, даже... Да хрен с ним!

Сегодня троих нашли. Двое — обычные «халфы». И один абсолют. Такой абсолют, что глаза б мои его не видели.

Вот как они умудряются найти точки питания? Там же натуральная свалка! Все покорежено, перепахано — будто десятиметровую толщу почвы вспороли изнутри. Никакая техника нормально не работает, сигнал штормит нереально, он не добывает не то что до Водораздела — в ближайшем переулке не засечешь при всем желании.

Но это нас. А их, абсолютных, и слепой найдет. Там сама земля корчится, точно из нее живьем внутренности выдирают. Хотя с землей это я погорячился.

Как я уже говорил, двое за сегодняшний рейд были обыч-

ными «халфами». Когда мы их нашли, один еще пытался вы- лупиться: из сплетения проводов торчали напряженные руки, с костяшками, готовыми вот-вот прорвать натянутую кожу. Там было все просто — вырубить главный шлейф и залить кислотой контактную панель. Нечеловечески едкая штука, эта кислота! Лет пять точно на этом месте никакая хрень не выкарабкается: коррозия основательно подпортит ей процессы регенерации.

Второй «халф» уже не трепыхался. Если бы не синее поле, мы бы его даже не заметили. Локатор верещал точно припадоч- ный, а мы все озирались, пока не увидели уже не шевелящийся бугор. Пришлось травить кислотой всю эту тошнотворную пародию на курган — зачем оставлять питательную среду для развития?

К абсолюту же подходили долго и осторожно. Мало ли что он учудит, очутившись в своем цифровом астрале?

Кому сказать, что я боюсь, в голос бы ржать начали. А я боюсь. И все наши, которые за ловчими ходят, боятся. Все жить хотят. А нам рядом с абсолютами верная кончина, если ловчего рядом нет.

— Руди...

Ну вот. А я-то надеялся, что дотянем.

— Руди, — ей хватило выдержки и выучки, чтобы аккуратно поставить контейнер с «детенышем» на порог ближайшей пятиэтажки, а потом ее затрясло, — Руди, мать твою! Ты что, не видишь?

Да уж, как тут не увидеть. Если не поторопиться, это превратится в настоящий припадок — она уже уперлась затылком в стену и вцепилась зубами в запястье. Ноги заскребли по мостовой, но то, что надо, у меня всегда наготове.

А теперь, хорошая моя, придется потерпеть.

Ох, ну и дикий же у нее взгляд! Теперь она вцепилась зубами уже в мою руку. Да на здоровье. Так как раз удобнее к шее подобраться.

Не промахнулся — уколол точно в вену. Я вообще никогда не промахиваюсь.

А теперь нужно ее держать, поэтому я обнял ее за плечи и притянул к себе. Она прижалась всем телом, гася об меня круп- ную дрожь, накатывающую волнами. Запрокинутое лицо было синевато-бледным и покрытым испариной, глаза закатились. Но я-то знаю, что это уже обратный процесс. Даже несмотря на половинную дозу стабилизатора, лекарство действует и скоро дойдет до мозга. Тогда все будет в порядке и Мозг ничего не узнает. Совсем ничего.

А пока придется наблюдать жутковатое пульсирование зрачков — от точки до черного пятна, заливающего почти всю радужку, и материть себя за то, что вовремя не вызвал Экхар- та. Эмиссар неотлучно находится на границах. Следит там. А может не уследить здесь.

Она почти пришла в себя, а солнце-то давно перевалило за полдень.

— Эй, нам бы до Водораздела засветло добраться.

— Знаю, — хрипло бросила она и отстранилась — слишком медленно, и слишком очевидно, что ей этого не хотелось

ФАНТАСТИКА

делать. — Пошли.

Иду. Что ж мне еще делать?

Она вновь зашагала впереди, то ли желая в очередной раз утвердиться в роли лидера, то ли с осознанием беспомощной злости прося проследить за собой. Мало ли что.

А до Водораздела еще километров пять.

«Детеныша» мы нашли у абсолюта. Их всегда находят у абсолютов. Ни у «халфов», ни у носителей такого не бывает. «Халфы» — они ж полностью бионические. Один вид только, что люди. Вот она с ними и не церемонится — сразу кислотой нейтрализует.

Носителей мы осматриваем. Помню, мы однажды одного даже вынесли — он по ошибке забрел. Слабый на зов оказался, вот и ломанулся сюда до срока. Пока человеческое еще тут держит, они в городе живут, за Водоразделом. Ученые шишки говорят, что у них постепенно все мутирует и даже зрение становится другим. Глаза реагируют на ультрафиолет. Поэтому тут всё — стены, тротуары, окна и даже занавески на них — цвета слив и свежих кровоподтеков.

А абсолюты...

И ведь лицо такое чистое, невинное. Натуральное. Смотрит на тебя из клубка шлейфов и проводов, моргает и улыбается. А у самого уже ничего нет — обрубок шеи и куча проводов из него. Ну ничего же нет! Но он лыбится и все понимает, окуроч цифровой!

А где ты был, когда «детеныша» создавал, гад! Где, я спрашиваю, твои мозги были, когда ты первый штекер в себя засовывал! Когда начал сам из себя эту тварь лепить? А, я тебя спрашиваю?!

— Руди, не погань мне рабочее поле, — не оборачиваясь, не глядя на меня. Точно сплюнула.

Да, знаю, извини. Сорвался.

Я просто вообще не могу спокойно думать о «детенышах». Каждый раз, когда я вижу, как она осторожно подбирается к абсолюту и наклоняется над плодом его агонии, его галлюцинирующего сознания, мне становится плохо.

Откуда? Видит бог, я не знаю, откуда берется это ее выражение лица! Как можно на это так смотреть и брать на руки?

Прости господи, если бы можно было допустить такое сравнение, но это похоже на мадонну с младенцем. Какую угодно, только не человеческую.

И мне тогда нестерпимо хочется курить, хотя в радиусе действия синего поля этого делать категорически не следует. Но я всегда закуриваю и скорее подталкиваю ногой контейнер, чтобы она упряталась с глаз долой это создание.

Я ненавижу «детенышей». До дрожи. До оторопи. До тошноты.

Хотя меня в жизни не тошнило.

Абсолютов не тошнит.

Никогда.

— Поторопись, можем не донести. — Она ускоряет шаг, а я смотрю на нее, на человека, и мне хочется...

Курить. У меня ж еще должны остаться сигареты?

Под ногой хрустнул ледок на мутной луже — вот и Водораздел.

— Привет, Юна.

Она отложила заполняемый бланк возврата и покосилась вправо. За будкой охранника маячил джип с заляпанными грязью зелеными номерами, а у самого шлагбаума серел силуэт в форме.

Надо же. Эмиссар Комитета безопасности федерации собственной персоной. С чего вдруг такое внимание?

Ей это тоже не понравилось — поведя плечом, оттянутым тяжелыми постромками контейнера, она вызывающе качнулась вперед.

— Я не одна, — глухо бросила она, сдерживая с головы капюшон.

Принципиальность. Особенно в этом вопросе.

— Ах да. — Эмиссар чуть склонил голову в мою сторону. — Добрый вечер, Руди.

— Добрый.

Знобкий ноябрьский ветер забрался под куртку, и пришлось запахнуть плотнее. Терпеть не могу сырость.

— Говорят, ты с добычей?

— Ну? — сухо, сквозь зубы. Училивость к представителям охраны никогда не значилась в ее анкете.

— Тебе везет больше всех. — Эмиссар КБФ, указав взглядом на контейнер с «детенышем», похлопал себя по нагрудным карманам в поисках сигареты.

Я поднес зажигалку. На, кури. Может, это когда-нибудь мне зачтется?

Он едва коснулся сигаретой пламени, и губы его брезгливо изогнулись. Я видел. У меня слишком хорошее зрение.

Что ж, отвращение эмиссаров к биоморфам всегда имело место быть. Даже Экхарт, зная, что мы с ней одна команда, вынужден сдерживаться. Она не убеждает его — пустое. Просто для нее, как и для любого ловчего, абсолют — это персональный компьютер, помощник и напарник в одном лице. Мы без них за Водораздел ни ногой, они без нас.

Правда, это только до тех пор, пока не приходит срок.

Кажется, в природе это называется симбиоз. Парадоксальный симбиоз.

— Уже пятый за два месяца. Идешь на рекорд, — бросил эмиссар, пристально изучая ее сквозь дым.

— Как ты и сказал — мне везет, — равнодушно пожала она плечами и предъявила охраннику путевую книжку. Тот хлопнул ей очередной штамп и посмотрел на меня.

Пока он сканировал мой паспорт, я глядел на синюю полосу с выбитым серийным номером на странице биометрических параметров: «Руди Ван Ганн, №190m34, третье поколение».

Напьюсь.

Вот сейчас прослежу, чтобы она как можно быстрее сдала «детеныша» в лабораторию, напишу отчет Моэму и сбегу к чертям. Хотя бы на сегодняшний вечер.

Меня все достало. Сил нет.

Пара-тройка коктейлей мне сегодня явно не помешает. Думаю, «Соляная кислота» подойдет. А может, даже и «Серная». Надо хоть как-то забыться.

Я абсолют, а не машина.

— Руди, идем.

Эмиссар усмехнулся и посторонился, давая нам дорогу.

Лед на луже, только успевший замерзнуть, снова хрустнул под подошвой.

Вторая пачка за день. Вторая пачка и третий стакан «Соляной кислоты». Бармен уже перестал коситься в мой угол и лишь молча выполняет заказ.

Парень, ты тут новый. Так вот запомни — это мое место и мой коктейль.

Зубы ломит от холода, но я нарочно разгрызаю кусок льда. И затягиваюсь сигаретой. Нам всегда тяжелее раздражить рецепторы.

Все слишком настоящее, но вот вкус и обоняние не те. Потому-то я и пью «Соляную кислоту» — самый убойный коктейль в этой забегаловке.

Интересно, а я похож на человека?

Она как-то разоткровенничалась. Сидя в раздевалке перед выходом, ссутулившись и свесив голову, она сказала, что не отличила бы меня от себе подобных, если бы не видела экрана локатора. Синего экрана. Такого же синего, как идентифика-

ционная полоса в моем паспорте: имя, номер, поколение.

Я биоморф. Я — абсолют третьего поколения.

Я абсолютно как человек.

Но я не человек.

— Эй, друг, еще. — Я постучал кредиткой по стойке.

Бармен зазвенел шейкером. Я уставился на ряды бутылок у него за спиной.

Мне омерзительна моя работа. Но я иду туда. Снова и снова иду на смену. И с каждым разом в моей путевой книжке появляется все больше штампов КПП у Водораздела.

Мне жаль ее. Но я беру контейнер, бессознательно распахиваю сигареты по карманам, застегиваю куртку и иду за ней. Не знаю, как выглядит моя спина, но ее спину я знаю досконально.

Я ненавижу «детенышей»...

Неужели и я когда-нибудь откликнусь на зов? Пойду к Водоразделу, шагну на фиолетовую мостовую и устремлюсь туда? Туда, где меня будут ждать перекоренная земля, синее поле и шлейф, предназначенный именно для меня? Возможно, я буду улыбаться. Как почти все те, кого она нейтрализует кислотой.

И когда все будет кончено и остатки разума биоморфа растворяются в синеве, тогда надо мною склонится она и заберет ошметки моего тела, спаянные моим же угасающим сознанием в нечто первородное? Я ей улыбнусь. Я успею подумать «спасибо», пока она забирает моего «детеныша». Мою жалкую попытку продолжения себя. А потом я умру.

Наконец-то умру.

По-настоящему. Как человек.

Окончательно...

— Ваш коктейль.

— Спасибо, друг.

На табло за стойкой бара высветилось два часа пополночи. Что ж, пора идти. Завтра еще нужно присутствовать в лаборатории при вскрытии «детеныша».

— Привет, можно присесть?

Рядом раздался шорох и легкий стук.

Я вытряс из стакана последний кусок льда, зажал его в ладонь и повернулся. На соседний стул уселась девушка — симпатичная, молодая, свежая. Почти не похожая на проститутку.

Этого следовало ожидать.

Я махнул бармену:

— Коктейль девушке.

— Спасибо, — улыбнулась она сочными губами и удобнее устроилась на стуле, аккуратно выставив на мое обозрение длинные ноги, — Адель.

Мило. Весьма мило. Похоже на кличку домашнего кролика.

Я смотрел, как она пьет, как полная грудь натягивает блестящую майку, как матово блестит белое бедро, едва прикрытое юбкой.

Она же старалась одновременно пить и улыбаться, кокетливо опираясь на стойку.

— Вы сегодня заняты?

— Нет.

Я затаился и снова посмотрел на нее.

Напускная небрежность и соблазнительность выдавали ее с головой. Совсем свежая. И пока еще дорогая. Поэтому и промышляет здесь, в центре.

— Может?.. — Она еще даже пытается соорудить интригу, предлагая себя.

Ей-богу, как же все глупо.

Я усмехнулся и оттянул вниз ворот водолазки.

Ее зрачки мгновенно расширились, а я прижал к стойке ладонь, которую она не успела убрать, и нарочно придвинулся ближе.

ФАНТАСТИКА

— Сколько возьмешь, Адель?

Она прерывисто вздохнула и попыталась сползти со стула.

— Как ты... вы?.. — Презрение или страх — что пересилит?

Я стиснул пальцы — у нее такие тонкие кости. А я устал быть спокойным.

Страх пересилил.

Она не может отвести взгляда от моей шеи, точнее, от яркой синей полосы на ней, похожей на след от петли.

— Ни разу не обслуживала абсолюта, Адель?

— Н-не надо... — жалко попросила она, но я только сильнее сдавил ее запястье, зная, что назавтра там будут синяки цвета брусчатки за Водоразделом.

Я бросил кредитку на стойку и кивнул бармену. Он понял и взглядом указал в сторону коридора, ведущего на второй этаж.

Девчонка тонко заскулила и попыталась освободить немеющую руку.

— П-пожалуйста, не надо!

Я потащил ее из бара. Адель слабо упиралась, понимая безнадёжность ситуации...

Меня несет. Меня бредит. Есть ли слово такое? Не помню.

Я тащу ее, эту молоденькую проститутку, на второй этаж, по ступеням. Я не знаю, зачем она мне. Желания нет. Вообще.

У меня давно нет желаний. Человеческих.

А желанию абсолюта я не хочу поддаваться.

Я не хочу умирать.

Не хочу. Не хочу.

Не могу.

— Слушай, ты! — Адель слабо пискнула, когда я, завернув в какой-то коридор, бросил ее на стену. — Слушай, ты...

Глаза у нее большие — зеленые, ясные. Ресницы не перерасщеплены. Знает себе цену.

Взгляд затравленный, и, кажется, она скоро заревет.

Красивые глаза. Но я вижу другие — серые, с поволокой. Уставшие. Я вижу горькие складки от крыльев носа к углам рта.

Глаза закатываются, видны синеватые белки. Неужели опять припадок?..

Расслышав хрип, я разжимаю пальцы. Адель глотает воздух и хнычет, скребя ногтями стену.

Я схожу с ума. Возможно ли это?

Наверное, да. Ведь уходим же мы за Водораздел, чтобы прекратить всё это.

Я схватил девчонку за руку, рванул водолазку вверх и прижал ее дрожащую, влажную от страха ладонь к своему животу. Хоть немного тепла. Хоть бы немного искреннего тепла.

Почувствовать бы хоть что-нибудь.

Вжался бедром, вдавил в стену — дрожь. Мелкая дрожь загнанного существа. Ни гордости, ни злобы. Ни желания выжить.

И я тоже?

— Зачем? — выдохнул в шею, провел по ней ладонью. — Зачем вы нас создали? Зачем ты, человеческое животное, создало нас. Зачем ты создало нас человеком?

В коридоре почти темно. Музыка долбит где-то на периферии. От девчонки пахнет сладкими духами и липким потом страха.

ФАНТАСТИКА

Я же отвратительно чую запахи. Как любой абсолюте. Моэм любит шутить, что есть ловчие, а ищеек нет. Точнее есть, но они без нюха.

Но я чувствую, я ощущаю сейчас всё.

— Семьдесят лет. Семьдесят лет назад ты, человек, смог сделать нас. Зачем, я тебя спрашиваю? Зачем ты вообще все делаешь по своему образу и подобию — бога или машину, не важно? Ты умеешь думать. Ты думаешь, человек, и ты заставил нас думать так же. Ты не мог придумать нам другие мозги, а? Хотя нет, не мог.. Ты же не можешь придумать ничего, что не было бы слишком человеческим. Слишком.

Она молчит. И та, и эта. Эта, потому что боится. Та, потому что никогда не могла сама ответить ни на один из этих вопросов.

— Ты когда-нибудь брала в руки «детеныша»? — Нет, конечно, что за бред!

Дурная риторика. Я помотал головой.

— Я, мы, все теперешние — абсолюте третьего поколения. Ты, человек, создал первых из нас. А они создали вторых из себя. Не ожидал? Не думал, что мы в своем слепом следовании программе «будь человеком» захотим продолжить свой род? Не ожидал? Да и никто не ожидал..

Контейнеры для «детенышей» белые, глянцевые, похожие на пластиковые коконы. Туда, за Водораздел, всегда нес их я. Обратно — она.

— И не в «детенышах» дело, понимаешь ли ты? Не в них! Не знаю, почему вообще все так. Никто не знает. Ни ловчие, которые их вытаскивают, ни мы, служащие проводниками за Водораздел. И в лаборатории тоже не знают. Потрошат, и всё. Разделяют на составные части. Кожа, кости. Микросхемы, провода. Как спаяно, почему работает. Почему вообще существует эта противоестественная, богопротивная помесь... А она смотрит. Ходит и смотрит. Зачем?

Руки дрожали. И мои, и ее.

Ну и чего я этим добился? Да ничего. Как всегда.

Я выдернул сведенную судорогой ладонь Адели из-под своей водолазки.

— На. — Кредитку она взять не смогла — взгляд был пустой, точно у «халфа».

Легко ударил наотмашь по лицу. Вроде пришла в себя.

— Бери.

Взяла. Дрожала, пыталась натянуть юбку пониже, но взяла.

Послушная.

Размял шею. Музыка продолжала долбить в отдалении.

Ковер глушил шаги.

Сейчас выкурю последнюю сигарету — и прочь. Я хочу, чтобы сегодня наконец закончилось.

— Руди?

Кажется, впервые за все время нашего партнерства я услышал недоверие в ее голосе. Да, хорошая моя. Прости, но будет так.

— Иди.

Водораздел не зря так зовется — по эту сторону шлагбаума сухая мостовая, лишь с легким налетом мороси, по ту сторону

— осклизлый асфальт и зятянутые льдом лужи.

— Иди, я сказал.

У нее дернулся угол рта — свидетельство того, что она подавила мгновенное раздражение.

— Объясни. — Приказ — хриплый, озлобленный.

Я покачал головой и попытался нашарить в кармане сигарету. Опять не рассчитал и выкурил все. Такая мелочь, а не рассчитал.

Ладно, я давно собирался бросить.

Тем более, тут почти везде отголоски синего поля — незачем мне лишний раз искушать судьбу. Я ведь остаюсь не затем, зачем сюда приходят все. Я пока боюсь умирать. Просто хочу узнать, чего я так боялся все это время.

— Руди, вернись.

— Нет.

Она шагнула обратно к шлагбауму, но Экхарт поймал ее за руку.

Молодец Экхарт. Он сразу все понял. Он вообще понятливый, этот эмиссар. Ей с ним будет хорошо.

— Руди, вернись сейчас же.

Нет. Мне надоело ходить туда-сюда. Нужно остаться по одну из сторон, чтобы наконец разобраться. А ты ведь знаешь, как я не люблю сырость.

— Я же все равно найду тебя!

Вот тут ты ошибаешься.

— Экхарт, я написал рапорт, чтобы ловчего ARs15/2 отстранили от деятельности за Водоразделом. В моих полномочиях это сделать. Проследи, пожалуйста, чтобы руководство поставило резолюцию.

Она дернулась так, будто снова начинался припадок. Экхарт вцепился в плечи и притянул ее к себе.

— Да как ты посмел! Ты не имел права! Ты же знаешь, как это важно для меня!

Конечно, знаю. Потому и написал.

Я больше не хочу, чтобы ты ходила за Водораздел. Я не хочу, чтобы ты брала в руки «детенышей». Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь нашла меня там, если я не выдержу...

Я застегнул ворот куртки и засунул руки в карманы. Пора.

— Руди!

Я обернулся, чтобы поймать пачку сигарет, перелетевшую через шлагбаум.

Это был Экхарт. Она же стояла, уткнувшись ему в воротник, — прямая спина, напряженные плечи, сжатые кулаки.

Ну, спасибо. Со старыми привычками не так легко расставаться — покурю еще день-два...

Ноябрьские сумерки быстро густели.

Там пошел снег. Здесь я закурил и пошел туда, где было тепло и в нескольких окнах шевельнулись занавески, будто тронутые чьей-то рукой.

Мне кажется или раньше они всегда были неподвижны?